

ПРИНЦ КАК ОН ЕСТЬ

Любимый цвет Андриаса ЛИЕПЫ — красный. Красные кроссовки, красный пуссер и невероятно большой красный баул через плечо, из которого он, покопавшись, извлек маленький ключик от ложи бельэтажа.

...Под нами и над нами — зал Мариинки. На снимке он вышел сплошным черным фоном. Но он здесь — зачехленные бархат и позолота, пустые кресла партера и огромная люстра, контуры которой проступают из темноты.

Когда видишь Принца так близко, с полной ответственностью осознаешь, что не пристало перебивать его, когда он начал говорить. Если это кому и простиительно, то разве что одинокой виолончели, звучащей из глубины пустой оркестровой ямы...

— Это театр. Здесь кто-то играет, там репетиции идут. Мы можем разговаривать о своем. В нормальном учреждении это невозможно. А в театре мы должны принимать театр.

Я очень много езжу. Работал в Америке, в нескольких труппах. Два года — у Михаила Барышникова. Танцевал в Гранд-Опера, Ла-Скала. Балет Бежара, какие-то маленькие труппы... Начал карьеру в Большом, сейчас вот танцую в Кировском. Недавно открылся Кремлевский балет Владимира Васильева.

Балетный век короток. Мне уже 29 — середина творческой жизни. Хотя опыта на все 45. Я сделал очень много, попробовал практически все, что хотел. И на сегодняшний день как артист балета состоялся. Но очень хочется, чтобы пришел кто-то новый и открыл во мне то, что даже я сам в себе не могу увидеть.

Приходишь в интересный театр — хороший репертуар, сильные партнерши. Работаешь год-полтора, а потом чувствуешь, что начинается промышленное освоение тебя. А когда искусство переходит в производство — становится тяжело.

Меня знают, в основном, как романтического танцовщика. И это естественно, поскольку Бог одарил меня такой внешностью, что как только я выхожу на сцену, люди понимают — это Принц. А кому-то надо станцевать весь спектакль, чтобы зритель лишь к концу подумал — да, и такой Принц может быть. Особенно дорог «Щелкунчик» — потому что этот образ я создавал для себя сам. Образ героя, которого в жизни уже не существует. Да и трудно сейчас в этой жизни занять место под солнцем. А чтобы получить его, надо быть очень жестким и непримиримым.

В свое время мне пришлось и повоевать за себя, и быть в состоянии какого-то романтического одурения. Человек, который выезжает на Запад и вдруг понимает, что стал свободным, что нет над ним ни директора, ни администратора, ни председателя цехкома... Выходишь на улицы Нью-Йорка — волен поехать на Гавайи

или пойти сниматься, или — в ресторан. Это ощущение было во мне недолго, но было. Знаете, как будто выходишь на морской берег и — порыв ветра. Потом — привыкаешь.

А в нашей стране со мной что-то происходит такое... Мне нужна эта энергия, которая здесь есть. Наверное, здесь трудно находиться, когда знаешь, что нельзя уехать. А когда ты приезжаешь, потому что хочешь приехать, а не оттого, что тебе некуда деться — совершенно другое отношение к этой стране. Я полтора года работал в Америке и сейчас чувствую, что просто не могу оторваться и уехать навсегда...

Я наполовину латыш, наполовину русский. Думаю, очень хорошее смешение кровей. С одной стороны я умею работать и отдавать себе отчет в том, что я есть на самом деле. И в то же время не быть рабом, а быть творческим человеком. По-английски я назову себя «воркер-болик» — «работоголик».

В 10 часов вечера могу прийти в театр, взять ключи у пожарного и до двенадцати заниматься. Могу работать в три часа ночи, в четыре. Я и в Большом театре сделал свою карьеру только благодаря тому, что работал до умопомрачения, по-сумасшедшему. Я ведь получил на конкурсе золотую медаль — еще в школе, а в театре попал в кордебалет, как все. Было состояние, что если я год еще там просижу, то больше не выдержу. Но работа, она камень точит.

А в русской натуре заложено очень много спонтанности, необъяснимости. Когда человек начинает петь или танцевать — даже не объяснить, какие движения он делает, а все в восторге. Это же фантастика, как привился в нашей стране балет! Русский характер по природе своей танцевален, романтичен, сентиментален.

В общем, я самоучка. Я, как Левша, могу все, что угодно, придумать, сделать, выучить. На достаточном профессиональном уровне, правда не всегда на профессиональной основе. Когда приехал

СПЕЦИАЛЬНО

ПРИГЛАШЕННАЯ ЗВЕЗДА

в Америку, понял, что без английского — никуда. Купил книжку, кассеты и выучил. Сам. Я и в балете многое делаю по-своему...

Мне кажется, у меня легкая рука. Вот только что мы вышли из зала, ко мне девочка подошла: пируэт не получается. Что ж, давай попробуем. Она сделала 8 — 10 пируэтов. Я говорю — ты можешь и 15 делать. Вообще очень люблю на сцене — как это грубо ни звучит — «таскать балерину». Когда я ношу ее, и ей удобно — мне это доставляет удовольствие. Отец мой был очень хорошим партнером, и я взял это у него.

С отцом мы работали не очень много — так, чтобы специально для этого приходил в зал. Но когда приходили, время всегда использовалось очень рационально. Все, что он мне говорил, я помню до сих пор. Мы репетировали в Америке и я вспоминал, как он меня в «Жизели» учил ходить с плащом. Как он меня настраивал... Какие-то 3 — 4 репетиции — не больше. А я сейчас могу передать это другому человеку с теми добавками, которые сам привнес в эту роль.

Я вообще-то по гороскопу козерог и очень чувствую свой знак. Люблю бывать один — такой волк-одиночка. Особенно когда что-то случается или не клеится.

Как-то по телевизору один ученый говорил, что он выявил механизм собственных открытий. Он должен совершенно «замкнуть» голову на поставленной задаче, не давая себе при этом даже возможности уснуть. Состояние, как я понял, близкое анабиозу. И вдруг — решение. Оно должно прийти неминуемо — иначе просто мозг взорвался бы.

Я эту идею запомнил и когда делаю спектакль, всегда немного «помешиваюсь» на нем. Включаю магнитофон и, даже засыпая, слушаю эту музыку. И просыпаясь, слушаю, и в машине ставлю магнитофон. По-русски это называется шизануться. «Крыша поехала». Но как раз это и дает тот результат, который нужен.

Я с детства люблю лепить и рисовать. И свой образ «леплю». Сначала в голове, потом в зале. Каждая поза — отдельная скульптурка. Когда недавно снимался на «Ленфильме» в картине «Любить до смерти» режиссера Валерия Харченко, он все время кричал — почему ты так красиво ходишь, зачем надо так красиво стоять? Повернись как-нибудь по-простому! А для меня каждый поворот — это то, что может на сцене сыграть...

Пока не везет в одном. Обидно, что «на меня» был поставлен только один балет — «Петрушка». Я словно надеваю чужие рубашки, чужие штаны. Знаю, как их надеть, где что подправить. Я потрясанный портной. Может даже казаться, что я рожден в этой рубашке, но она не моя. Вот правда еще Владимир Викторович Васильев поставил «Золушку». Но такой короткий был рабочий период, что я даже не почувствовал, что это роль для меня. Да и станцевали-то всего один спектакль...

Боюсь загадывать, но английский балетмейстер Джилиан Линн хочет поставить для меня «Блудного сына». Я очень рад, ведь практически ничего из того, что делаю за границей, здесь никто не видел, и я себя чувствую обделенным. Наш зритель вообще не видел лучших лет Барышникова, Нуриева, Макаровой. Ну я-то ладно, видел. Я туда и рванулся-то за тем, чтобы увидеть. И не жалею. Как сказал один писатель, жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Шутку оценили Ирина КОСЕНКОВА и Екатерина МОНУСОВА